

ШАЛЫГИН А. УЧЕБНЫЙ КУРС ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО СМЕРТИ ПУШКИНА) И ХРЕСТОМАТИЯ

«Учебный курс» г. Шалыгина наводит, прежде всего, на те размышления, которые вызывают вообще все учебники по истории русской литературы, изданные в последние годы – все равно, хороши ли они или плохи. Нужны ли учебники по этому предмету – в том задании, какое ставили себе их авторы?

Н. Шалыгин начинает предисловие к своему курсу с указания на «новейшие программы министерства народного просвещения» которым он следовал. И действительно, министерство держится того взгляда, что учебники по истории литературы необходимы. Так ли это безусловно? И если – да, то какой тип учебника мог бы считаться желательным?

Из руководств, имеющих место в последнее время, обращают на себя внимание: 1) Сиповского, 2) Келтуялы, 3) группы преподавателей (Бороздина, Золоторева, Липовского, Максимова, Жохова) и 4) Саводника. При различных научных и педагогических достоинствах, – один основной недостаток всех их бросается в глаза. Недостаток, казалось бы, только внешний, но очень внушительный – и, собственно, не только внешний: это их размеры, – количество страниц, заключающее в себя учебный курс средней общеобразовательной школы. Количество страниц – ужасающее. Одна древняя литература занимает в них сотни страниц, так что «История русской словесности» Сиповского с большим правом должна признаваться компендиумом для студентов, чем руководством для гимназистов. Пособие, составленное группой преподавателей, распадается также на несколько томов. Из двух немалых томов состоит и учебник Саводника. «Сокращенный» курс Келтуялы по одной древней литературе состоит из двух частей – и тоже немалых. Таким образом, по размерам, по количеству материала, это скорее – «книги для чтения», чем учебники.

И в этом-то все и дело, здесь и причина того, почему ни одно из названных пособий не удовлетворяет современного преподавателя. Не отвечая на потребность в учебном руководстве, по которому может быть пройден курс истории литературы, они не отвечают в то же время на потребность и в «книге для чтения», так как писались по типу учебника. И вот ни того, ни другого у нас нет. А нужда велика.

Нужен учебник, в котором были бы изложены, правильнее всего выразиться – основные *события* русской литературной жизни, – те, какие по личному разумению автора или по соображениям ведомства, представляются главнейшими, необходимыми для запоминания, именно как главнейшие, как основные. Задача непростая, но цель должна быть поставлена только эта, – и никакая иная. Уроки истории русской литературы поглощаются чтением и разбором литературных произведений с живыми – вводными и попутными – объяснениями преподавателя. Эти разборы и объяснения не могут стать темой учебника. Они теряют все свое педагогическое обаяние, если их вместить в

немногие страницы учебного пособия. Между тем, закрепление в памяти учеников основных *событий* является необходимостью не только при условии слабой памяти того или иного ученика, но и различным другим свойствам памяти, а иногда и воображения.

Разборы и объяснения преподавателя могут превратиться не в учебник, а как раз в книгу для чтения, в дополнение к такому, предполагаемому мною, фактическому учебнику, – в развитие его. Такой учебник должен быть написан возможно нагляднее, а книга для чтения, сопровождающая его (собственно, и воспроизводящая уроки преподавателя), – еще нагляднее.

И как хотелось бы, чтобы такие учебники и такие книги для чтения у нас, наконец, появились!

«Учебный курс» г. Шалыгина не представляет исключения для того типа руководства по русской литературе, о котором я сейчас сказал, как о типе ложном. Для учебника эта книга слишком пухлая (332 страницы, исключая Хрестоматии, довольно убористых, излагающих курс лишь от Ломоносова до Пушкина); в качестве книги для чтения – слишком конспективна. Нечего и говорить, что большое число сообщаемых в ней фактов вовсе не суть события, но зачастую просто малосущественные обстоятельства. Мнения же автора, высказываемые по поводу фактов, само собой и остаются мнениями, – в учебнике недопустимыми. К сожалению, приходится отметить, что эти мнения не стоят в достаточной мере и на уровне современных изучений и предположений. Так, например, – от определения романтизма – такого в историческом отношении увлекательного, а в педагогическом – воспитывающего явления – автор простодушно отказывается, стало быть, и не используя целой эпохи, и потеряв, вследствие этого, почву для понимания и Карамзина, и Жуковского, и самого Пушкина. Тогда как о романтизме можно было в наши дни высказать достаточно объективное суждение.

Пушкин взят автором в каком-то сухом и старомодном освещении, не отличающимся от времен Галахова.

Значение пушкинской идейности, которая раньше отрицалась и о которой так много думалось и говорилось в последнее время, для автора, по-видимому, отсутствует. А казалось бы, в чем же и убеждать русское юношество на уроках литературы, как не в мысли, что величайший наш поэт был одним из умнейших и глубочайших русских людей. Взамен того, мы читаем почти бессодержательные указания на то, что в таком-то месте Бориса Годунова поэт «заплатил дань романтизму», а в таком-то «шагнул от остатков классицизма к художественному реализму» и т. п.

Язык книги – не отчетливый, иногда прямо запутанный, не изящный. Приведенные только что выдержки – не случайны: автор или выражается такими шаблонами, как «заплатить дань» или так неловко, как – «шагнул от остатков классицизма к реализму»...